

18+

Элина Кинг

*БЕЛЫЕ
ПАЛАТЫ,
ЧЁРНАЯ КРОВЬ*

Посвящается моему двоюродному брату
Феденьке

Элина Кинг

**Белые палаты, чёрная
кровь. Посвящается моему
двоюродному брату Феденьке**

<https://litres.ru/74275228>

ISBN 9785007045933

Аннотация

«Белые палаты, чёрная кровь» — это не только история одной семьи. Это портрет эпохи, когда детская смертность от лейкоза была нормой, а врачи боролись с болезнью почти голыми руками. Это роман о вине, которая не имеет оправдания, и о любви, которая не обещает спасения. Основано на реальных событиях. Посвящается моему двоюродному брату Феденьке.

Содержание

От автора	5
Мальчик с Садового кольца	6
Фурункул на локте	16
Первые звоночки	26
Страшное слово	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Белые палаты,
чёрная кровь
Посвящается моему
двоюродному
брату Феденьке**

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2026

ISBN 978-5-0070-4593-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В основе этой книги — подлинная история мальчика Фёдора, его родителей и врачей Морозовской детской больницы в 1979 году. Документы того времени, медицинские протоколы, а также свидетельства людей, переживших похожие трагедии, легли в основу хронологии, диагнозов, схем лечения и бытовой атмосферы эпохи.

Однако перед читателем — не документальное расследование и не мемуары. Это роман-хроника, где реальность переплетена с художественным вымыслом. Некоторые персонажи (часть детей в палате, соседи, часть медицинского персонала) являются собирательными или полностью вымышленными. Их имена, характеры и судьбы не следует отождествлять с конкретными живыми или умершими людьми.

Профессор Нина Сергеевна Кисляк — реальное историческое лицо, основоположник детской гематологии в СССР. Её образ в книге основан на воспоминаниях коллег и пациентов и воспроизведён с глубочайшим уважением.

История семьи Лопатиных — это дань памяти не только одному мальчику, но и всем детям, которые уходили в те годы, когда медицина была ещё бессильна. Их больше нет. Но виноватых нет. Есть только время, которое мы не выбираем.

Посвящается моему двоюродному брату Феденьке.

Мальчик с Садового кольца

В конце марта 1979 года Москва пахла бензином и оттепелью. Снег сошёл за неделю, обнажив серый асфальт, прошлогодние листья и первые бумажные фантики от трюфелей «Красный Октябрь». По Садовому кольцу, утопая в лужах, ползли «Волги» такси, редкие «Жигули» и грузовики с надписью «Хлеб». На билбордах, ещё не сменённых с февраля, улыбался олимпийский Мишка — косолапый символ будущего, которое обещало быть светлее любой предыдущей пятилетки.

Десятилетний Фёдор Лопатин стоял на подоконнике в школьной раздевалке и прижимал лоб к холодному стеклу. За окном 91-й школы играли в футбол его одноклассники, но он сегодня не побежит — у него дежурство. Пионерский галстук душил, хотя мать разгладила его утюгом и сделала складку острее бритвы. Фёдор уже два раза порывался завязать его свободнее, но галстук, словно в насмешку, сползал набок.

— Лопатин, ты на подоконнике икать будешь или журнал дежурств заполнишь? — спросила завуч Валентина Сергеевна, поправляя очки на переносице.

Фёдор прыгнул, одёрнул коричневый пиджачок, который стал ему тесен в плечах, и сел за парту. Журнал дежурств пах фиолетовыми чернилами и клеем. Он вывел кривым почер-

ком: «Дежурный 4 „А“ класса Ф. Лопатин. Опоздавших нет, сменная обувь есть у всех, кроме Чистякова». Рядом на парте лежал его портфель — коричневый дерматиновый, с оторванной пряжкой, которую отец чинил куском проволоки. На портфеле была приклеена марка — маленький самолёт Як-42 из серии «Гражданская авиация СССР». Фёдор приклеил её сам, старательно полистав альбом и выбрав самую яркую.

В раздевалку заглянул Вовка Чистяков — вихрастый, с красными от ветра щеками. Он был вратарём в их дворовой команде, и его варежки вечно пахли псиной и резиной от футбольного мяча.

— Федька-библиотекарь, — крикнул Вовка, — ты чего застрял? Там «Спартак» с киевским «Динамо» на центральном стадионе, я у папы транзистор спёр, будем слушать!

— Я дежурю, — буркнул Фёдор, но внутри всё ёкнуло. «Спартак» — это серьёзно.

— После школы приходи во двор. Марку покажешь? — Вовка приблизился и зашептал, оглядываясь на дверь: — Ту самую, про которую базарил? С лимоном?

— Лемон Мозамбик, — поправил Фёдор. — Она зелёная, там португальская надпись. Мне дядя Лёша из Африки привёз. Но мама не даёт её в школу таскать, потеряю ещё.

— Фуфло, наверное, нет у тебя никакой марки, — усмехнулся Вовка и выбежал на улицу, громко хлопнув дверью.

Фёдор остался один. Он вынул из портфеля альбом для

марок — потёртый, с выцветшим штампом «Цена 2 руб. 50 коп.» на обложке. Дома, в застеклённом шкафу, хранился большой альбом, подаренный отцом. Но этот, маленький, Фёдор носил с собой, перекладывая марки из основного в походные конверты. Он нашёл нужную страницу. Марка «Лемон Мозамбик» была коричневато-жёлтой, с изображением цитруса и витиеватой вязью. Настоящий лимон, который не вырастить на подоконнике. Дядя Лёша — мамин двоюродный брат, моряк дальнего плавания — привозил из Мозамбика экзотику. В прошлый раз он привёз какао-бобы, и Фёдор тайком попробовал горький шоколадный порошок, смешав его с сахаром. Мать потом выговаривала: «Ты что, козювка мелкая, отравиться решил?»

Фёдор закрыл альбом, потрогал галстук, вздохнул и пошёл сдавать журнал.

— Иди уже, — сказала Валентина Сергеевна, махнув рукой. — Только аккуратно, лужи кругом.

Он вышел на школьное крыльцо. Мартовский ветер швырнул в лицо горсть мелкой водяной пыли. Солнце пробивалось сквозь низкие облака, делая лужи похожими на расплавленное золото. По Октябрьской улице, через дорогу от школы, шел троллейбус с дугой, искрящей на повороте. Фёдор посмотрел на часы — «Ракета» с синим циферблатом, подарок отца на прошлое 23 февраля. Половина третьего. Ещё успеет на второй тайм.

Он свернул за угол, пробежал мимо ларька «Союзпечать»,

где тётя Зина продавала газеты и мороженое (ещё не открыли — март, холодно), и вынырнул во двор-колодец. Двор между пятью этажами хрущёвок был для мальчишек всем миром. Здесь стояли железные горки, с которых давно облупилась краска, качели с порванной цепью (одну заварил сварщик из соседнего подъезда), и асфальтовая площадка, разлинованная мелом для классиков.

Футбольное поле было условным — два портфеля вместо ворот. Собралось человек восемь: свои и пацаны из соседнего двора с Красноказарменной. Играли до крови в коленках, без свистка и правил, но с неистовством, достойным олимпийских стадионов.

— Лопатин! — заорал Вовка, заметив Фёдора. — На защиту вставай! Твои в синей майке!

Фёдор бросил портфель у подъезда, скинул пиджак (мать убьёт, если испачкает), остался в выцветшей синей футболке с надписью «Хоккейная команда „Спартак“ Москва» — её носил ещё отец в молодости, и буквы уже слезли, но Фёдор обожал её за мягкую, как плюш, ткань.

Игра началась. Мяч — тяжёлый кожаный, подклеенный велосипедной камерой — перелетал от одного края двора к другому. Фёдор бегал не так быстро, как хотелось, — в последнее время он быстро выдыхался, и в боку кололо уже через пятнадцать минут. Он списывал это на то, что мало гулял: мать в этом году засела за тетрадки — поступила на заочное в медицинское училище, чтобы стать не просто мед-

сестрой, а фельдшером, и дома вечно был беспорядок, который она пыталась навести в ущерб прогулкам.

— Проспал! — крикнул Пашка Ключев, когда мяч прошёл у Фёдора между ног, и соперник закатил четвёртый гол.

Фёдор разозлился, побежал в отбор, резко развернулся, споткнулся о торчащий из асфальта кусок арматуры и упал. Левая ладонь ободралась, но хуже всего — правый локоть. Он напоролся на осколок бутылки, который кто-то разбил на прошлой неделе, и дворник не вымел. Неглубокая, но неприятная царапина, из которой тотчас выступила кровь. Фёдор зажал локоть рукой.

— Да ерунда! — сказал Вовка, наклонившись. — У меня на прошлой неделе из ноги кусок стекла вытаскивали, ничего, зажило.

Фёдор скривился. Печь начало прилично. Он встал, отряхнул колени (на штанах зияла дыра, за что мать точно всыплет) и пошёл к подъезду. Мяч тем временем забил Пашка, и все заорали, забыв о его травме.

— Федька, ты чего? — крикнул Вовка. — Играем дальше!

— Сейчас, только кровь остановлю, — отозвался Фёдор.

Он поднялся на второй этаж в квартиру 17. Ключ висел на шнурке. Отпер дверь. В прихожей пахло щами и мокрыми варешками. Мать была на работе в поликлинике, вернётся только к шести. Отец — на заводе (он работал инженером в НИИ «Нефтеприбор», но всегда называл заводом). В доме было тихо, только холодильник гудел и часы-ходики отбива-

ли секунды.

Фёдор зашёл в ванную, включил холодную воду, подставил локоть. Кровь смешалась с водой и потекла в слив розовыми струйками. Он нашёл в шкафчике пузырёк зелёнки, приложил ватку, зашипел от жжения, но промыл, как учила мать. Затем — кусок бинта, который размотался, пока Фёдор пытался его завязать зубами. Повязка вышла кривой и тут же пропиталась сукровицей.

«Ничего, — подумал он, — до вечера подсохнет».

Он передел футболку, надел отцовскую старую рубаху (она висела в прихожей для «домашней работы»), чтобы мать не видела пятен, и выскользнул во двор.

Игра продолжалась, и Фёдор снова встал в защиту. Локоть ныл при каждом резком движении, но он закусил губу и бегал, пока не стемнело. В половине шестого начали расходиться. Фёдор забил гвоздём в ворота — последний гол, который спас честь двора. Радость заглушила боль.

Он поднялся домой, когда уже зажглись лампочки в подъезде — бледные, с мигающими нитями накала. Переделся, стянул повязку, посмотрел на локоть. Рана припухла, края покраснели, но не сильно. Наклеил пластырь, который нашёл в маминой косметичке — их там было штук пять, с тканевой основой.

Мать пришла в семь, уставшая, в белом халате под пальто, пахнущая карболкой и хлоркой. Первым делом сунулась к Фёдору.

— Что с локтем? — спросила она, схватив его за руку. — Покажи.

— Поцарапался об стенку, — соврал Фёдор. — Пустяки.

Клавдия Николаевна, невысокая, с пучком русых волос и вечно встревоженными глазами, отлепила пластырь и ахнула.

— Федя, это не царапина! Там уже гнойное воспаление! Что ты туда занёс? Грязными руками трогал?

— Я зелёнкой помазал, — пробормотал Фёдор.

— Зелёнкой, значит? — Мать всплеснула руками. — Господи, что ж ты за неудачник? Я ж тебе говорила: любую ранку — йодом или зелёнкой, и не лазить! А ты полез в этот двор, в грязь...

Фёдор молчал. Он знал, что спорить бесполезно.

Отец пришёл позже, когда уже смеркалось совсем. Евгений Петрович был высокий, сутулый, с чёрными усами и руками, вечно пахнущими машинным маслом. Он бросил портфель в прихожей, поцеловал жену в щёку, сына потрепал по макушке — и сразу к телевизору.

— Что у нас на ужин? — спросил он, включая «Время».

— Щи и картошка с котлетами, — ответила Клавдия из кухни. — У Феде локоть воспалился.

— Подумаешь, — отмахнулся отец. — Мальчишка, не кисейная барышня. На мне в детстве все локти были в струпьях. Заживёт. Ты, Клава, вечно паникуводишь.

— А вот если заражение крови начнётся? — возразила

она, выходя с тарелкой.

— Не начнётся. Он здоровый парень. — Отец переключил канал, попал на концерт ансамбля «Самоцветы». — Слышишь, Фёдор? Спой, как там дальше: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...»

Фёдор улыбнулся, подхватил. Они спели куплет, пока мать не замахала полотенцем: «Хватит горланить, садитесь есть!»

За ужином Фёдор рассказывал про игру. Мать время от времени бросала взгляд на локоть. Отец слушал, жевал и кивал. Никто не знал, что этот царапина — всего лишь случайность, которая позже раздавит их жизнь своим тяжёлым, нелепым весом.

После ужина Фёдор сел за уроки. Русский язык: упражнение 124, списать текст о дружбе народов. Потом математика: три задачи на движение. Он быстро щёлкал их, почти не напрягаясь. Учёба давалась ему легко, хотя четвёрки соседствовали с тройками — лень и рассеянность брали верх. Но сегодня он торопился: хотел успеть переклеить марки. Дядя Лёша обещал в апреле привезти новую партию — с островов Кабо-Верде, и надо было освободить место в альбоме.

Он сидел за своим письменным столом, под зеленой лампой с абажуром, и аккуратно поддевал пинцетом марку «Спутник-1». Рядом лежала лупа, клейстер, промокашка. Комната освещалась мягким светом, пахло старыми книгами (у отца было собрание сочинений Макаренко) и немного

— клеём.

— Федя, спать! — крикнула мать из коридора.

— Сейчас, мам, одну минуту!

— Без «минут». Завтра в школу. И не забудь сменку погладить.

Он вздохнул, убрал альбом в шкаф, подошёл к окну. За стеклом чернело Садовое кольцо — редкие фары машин, светофоры, мигающие красным. На углу стоял милиционер в серой шинели, прокуренный и одинокий. Где-то вдали раздался запоздалый салют — то ли репетиция к Олимпиаде, то ли чей-то день рождения.

Фёдор лёг в кровать. Простыни были грубые, казённые, пахнувшие кипячёным молоком. Он закрыл глаза, но сон не шёл. В голове крутилось: завтра надо показать Вовке марку с лимоном. И ещё — на перемене у них будет смотр строя и песни в честь 23 февраля (праздник уже прошёл, но в школе перенесли). Он командовал отделением. Надо выучить речёвку: «Раз, два, три, четыре, три, четыре, раз, два...»

Перед тем как заснуть, он услышал голоса родителей на кухне. Мать говорила тихо, но настойчиво:

— Женя, я серьёзно. Локоть красный, горячий. Такое ощущение, что там гнойник созревает. Я завтра с ним к хирургу схожу.

— Сходи, — безразлично ответил отец, шелестя газетой.
— Но деньги не трать. Перекисю промоешь, мазью Вишневского — и всё пройдёт.

— Ты ничего не понимаешь в медицине. Стафилококк, заражение, лейкоз.

— Зато понимаю в жизни. Мальчишки все такие.

Фёдор не понял последних слов, не вник. Засыпая, он подумал: «Интересно, а что такое лейкоз? Наверное, какая-то болезнь». И тут же забыл, провалившись в тёплый, живой сон, где он забивает гол на «Лужниках», а олимпийский Мишка машет ему лапой.

Он ещё не знал, что через три месяца та самая «болезнь» войдёт в его жизнь с чёрной чужой фамилией, с иглами в позвоночник и криками матери, которую он никогда раньше не слышал плачущей. Пока же мальчик с Садового кольца спал безмятежно, и только воспалённый локоть пульсировал тупой, сосущей болью — самой маленькой и самой невинной из всех, что ему предстояло испытать.

Фурункул на локте

Прошло две недели. Локоть Фёдора не заживал.

Сначала он старался не обращать внимания. Ну подумаешь, болит. На месте царапины появилась красная шишка, твёрдая на ощупь, как горошина под кожей. К концу первой недели горошина выросла до вишни, кожа над ней натянулась и залоснилась, а в центре проступила белая точка. Фёдор глянул на неё в зеркале в ванной, потрогал — и отдёрнул руку: от прикосновения локоть пронзила острая, дергающая боль, словно там, внутри, сидел живой огонь.

Он завязал локоть платком, чтобы мать не видела. Но на уроках, когда писал в тетради, приходилось держать руку на весу — любое прикосновение к парте отдавалось пульсацией. Учительница Татьяна Аркадьевна заметила, как он морщится, подошла, отогнула рукав.

— Лопатин, что это у тебя?

— Ничего, Татьяна Аркадьевна, поцарапался.

— Поцарапался? Это фурункул, мальчик мой. Скажи матери, пусть ведёт к врачу. А то заражение крови будет.

Фёдор кивнул, но ничего матери не сказал. Боялся, что она снова начнёт паниковать, мазать, прикладывать — а ему на физкультуре и так завтра зачёт по бегу. С повязкой не побегаешь.

Но организм уже давал знать. Вечером того же дня у Фё-

дора поднялась температура — тридцать семь и пять. Он лежал на диване, смотрел «В мире животных» и чувствовал, как локоть горит. Отец был на работе, мать на кухне резала салат.

— Федя, иди есть, — позвала она.

— Не хочу.

Клавдия вышла из кухни, поставила тарелку на стол, подошла к сыну. Её рука привычно легла ему на лоб. Лоб был горячим, сухим.

— Температура? — спросила она тихо, тем голосом, которым говорят, когда уже всё поняли, но боятся подтверждения.

— Не знаю, мам.

Она достала из шкафчика медицинский термометр — тяжёлый, ртутный, с красной полоской. Встряхнула. «Тридцать семь и шесть, — прочитала она через пять минут. — Федя, покажи руку».

Фёдор нехотя протянул правую руку. Клавдия закатала рукав, отлепила платок, и ахнула. Фурункул раздулся до грецкого ореха, кожа вокруг стала багровой, от самой шишки тянулась красная полоса вверх по предплечью.

— Лимфангит, — прошептала она одними губами. Медицинское слово сорвалось само собой, как у заклинателя. — Это лимфангит, Федя. Инфекция пошла по сосудам.

— Мам, больно, — сказал Фёдор, и в его голосе впервые за эти дни прозвучала не бравада, а настоящая, детская жалоба.

Клавдия Николаевна Лопатина работала медсестрой в районной поликлинике №5 на Воронцовской улице. За пятнадцать лет она видела всякое: панариции, флегмоны, карбункулы, от которых у здоровых мужиков текли слёзы. Она знала, что фурункул на локте — это не смертельно, если вовремя вскрыть и промыть. Но знала она и другое: инфекция может прорваться в кровь, и тогда — сепсис. А сепсис в 1979 году лечили плохо, антибиотики были не всегда те, а иммунитет у детей — штука хрупкая.

«Не додумалась же я тогда, в первый день, — билось у неё в голове. — Нужно было сразу к хирургу, а я пожалела, думала, заживёт. Что ж я за медсестра, господи боже ты мой».

Она не стала ждать мужа. Одеда Фёдора в пальто, повязала ему шарф, хотя мартовский ветер был не таким уж холодным, и повела его через двор, мимо качелей, к остановке троллейбуса.

— Мам, я сам могу, — попробовал сопротивляться Фёдор. — Не маленький.

— Молчи, — отрезала Клавдия. — Ты заболел.

В поликлинике был уже вечер, народу почти не было. В коридоре первого этажа пахло хлорамином и капустой — столовая располагалась этажом выше. Желтоватые лампы дневного света гудели, как рассерженные шмели. На дверях таблички: «Окулист», «Отоларинголог», «Хирургия — кабинет 117».

Клавдия посадила Фёдора на деревянную скамейку, сама

заглянула в кабинет. Оттуда вышла медсестра в накрахмаленном колпаке, с родинкой на щеке.

— Клавдия Николаевна? Вы к нам?

— Сына привела. Фурункул на локте, лимфангит.

— Принимает Людмила Павловна. Заходите. Но она сегодня злая — ревизия была.

Людмила Павловна Савельева, хирург с двадцатилетним стажем, сидела за столом и заполняла карты. Ей было под пятьдесят, лицо мягкое, седые волосы собраны в строгий пучок, халат в пятнах йода, не отстиравшихся за годы. Под очками в металлической оправе — усталые, равнодушные глаза человека, который видел слишком много чужих ран, чтобы каждая из них трогала сердце.

— Раздевайте, — кивнула она на кушетку, не поднимая головы. — Что у вас?

— Сын, Фёдор Лопатин, десять лет, — затараторила Клавдия. — Две недели назад поцарапал локоть, появился фурункул, сейчас воспаление, температура тридцать семь шесть, красная полоса по вене...

— Я сама посмотрю, — перебила Савельева. — Не учите врача.

Она подошла к Фёдору, села на табурет, взяла его руку. Пальцы у неё были холодные, с пожелтевшими ногтями. Ощупала фурункул, надавила сбоку. Фёдор дёрнулся и закусил губу, чтобы не закричать.

— Созревший. Вскрывать надо, — бросила Савельева. —

Ложитесь на кушетку, мальчик.

— А обезболивание? — спросила Клавдия, хотя сама знала ответ.

— Новокаин? Бесполезно. В гнойнике кислая среда, новокаин не работает. Будем так.

Клавдия побледнела. Она знала, что это значит. Отсутствие анестезии при вскрытии глубокого фурункула — это когда скальпель режет живую воспалённую ткань, а ребёнок чувствует всё. В советских поликлиниках местное обезболивание при таких процедурах не практиковали либо потому, что спешили, либо потому, что привыкли: «потерпит».

— Феденька, — сказала она, взяв сына за здоровую руку. — Ты будешь терпеть, да? Я рядом. Это быстро.

Фёдор смотрел на её перекошенное лицо и не понимал, почему мать так боится, если это не ей резать руку. Но что-то в её глазах заставило его выпрямиться и кивнуть: «Терплю».

Людмила Павловна развернула стерильный стол. Инструменты блеснули под лампой: скальпель с узким лезвием, пинцет, ножницы, зажимы. Стерильные салфетки — бумажные, сероватые. Фёдор смотрел на них и вспоминал, как дядя Лёша рассказывал про акул: «У них зубы растут в несколько рядов, и каждый кусок — как лезвие». Скальпель был острее.

— Руку не дёргать, — предупредила Савельева. — Дёрнешь — хуже будет.

Она взяла его правую руку, зафиксировала на подклад-

ной клеёнке. Повернула локтем кверху. Фёдор зажмурился и вцепился в мамину ладонь.

— Сейчас, — сказала Савельева. — Раз-два.

Она не считала до трёх. Просто вонзила скальпель в самый гнойник — быстрым, привычным движением, каким мясники разделявают туши. Фёдор услышал хруст. Не громкий, скорее влажный, как если бы наступить на переспелую сливу. А потом — боль. Не та тупая, пульсирующая, которая была до этого. Другая: острая, как удар током, пронзившая всю руку до плеча, до шеи, до макушки.

Он закричал.

Кричал не так, как раньше, когда падал с велосипеда или когда Вовка Чистяков подставил подножку. Тот крик был злым, громким, быстрым. Этот — тонким, долгим, похожим на вой щенка, которого давят дверью.

— Тихо, — сказала Савельева, не останавливаясь. — Мужчина должен терпеть.

Она раздвинула края разреза пинцетом, и оттуда вытекло густое жёлто-зелёное содержимое. Гной пах резко, сладко-гнилостно — запах, который Клавдия ненавидела всей своей медсестринской душой, потому что он всегда означал, что организм проиграл битву с микробом. Она сжала руку сына, чувствуя, как мелко дрожат его пальцы.

— Отойдите к двери, — бросила Савельева матери. — Не мешайте.

— Я медсестра, я могу ассистировать...

— Я сказала, к двери!

Клавдия отошла, но не к двери, а в угол кабинета, где висели плакаты «Профилактика столбняка» и «Острый аппендицит». Оттуда она видела всё. Фёдор лежал, запрокинув голову, из открытого рта вырывались всхлипы, но он больше не кричал — перешёл на частое, поверхностное дыхание, как во время бега. На лбу выступили капельки пота, смешанные со слезами.

Савельева вычищала гной пинцетом, выковыривая жёлтые крошки некротического стержня. Потом промыла рану перекисью водорода — зашипело, забурлило, розовая пена потекла по локтю в лоток. Фёдор дёрнулся, застонал, но не закричал.

— Вот видишь, — сказала Савельева, вкладывая в рану полоску марли (турунду) для дренажа. — Какой молодец. Почти всё. Теперь будешь каждые два дня приходить на перевязку. Антибиотики — ампициллин по 0,5 четыре раза в день, внутрь. Поняла? — обратилась она к Клавдии.

— Поняла, — ответила мать, всё ещё стоя в углу.

— И не нойте над ним. Фурункул — ерунда. Лимфангит пройдёт.

Она наложила повязку — сухую, асептическую, туго, так, что Фёдор зашипел. Потом села за стол и начала выписывать рецепты. Фёдор тем временем приподнялся на кушетке. Лицо у него было бледное, под глазами залегли синие тени. Он посмотрел на мать и попытался улыбнуться, но улыбка вы-

шла жалкой, дрожащей.

— Мам, я больше никогда не буду играть в футбол, — сказал он.

— Будешь, — ответила Клавдия, подходя и обнимая его за плечи. — Только аккуратнее.

Домой они вернулись через час. Фёдор молча снял пальто, сел на кухне, положил забинтованную руку на стол. Отец уже был дома, сидел в кресле, читал «Вечернюю Москву». Увидел их, вскинул брови.

— Что случилось?

— Вскрыли фурункул, — коротко бросила Клавдия. — Без наркоза.

— Подумаешь, — отец пожал плечами. — Я в детстве раз десять вскрывал. Живёт.

— Ты не понимаешь! — взорвалась Клавдия. — Ты вообще ничего не понимаешь! Он там кричал, Женя! Кричал так, что стёкла дрожали, а эта старая ведьма сказала ему «будь мужчиной»! Какой он мужчина? Ему десять лет!

— Клава, не кричи, — устало сказал отец. — Всё позади. Дай ему чаю с малиной. Температура, говоришь, была?

— Была, — Клавдия всхлипнула и вытерла слёзы уголком фартука. — Пройдёт.

Фёдор сидел, пил чай с малиной и смотрел на свои колени. Он чувствовал, как между родителями пробежала чёрная кошка — не в первый раз, но сегодня почему-то особенно больно. «Из-за меня», — подумал он. И ему стало стыдно.

Вечером, лёжа в постели, Фёдор слышал, как мать долго ходила по кухне, открывала шкафчики, что-то перекладывала. Потом вошла к нему, поправила одеяло, поцеловала в лоб.

— Спи, Федя. Всё будет хорошо.

— Мам, а почему у меня фурункул?

— Просто так, — сказала она. — У всех бывает.

Но сама Клавдия Николаевна Лопатина не спала в ту ночь. Она лежала на диване в зале, укрывшись старым пледом, и прокручивала в голове сцену за сценой. Поход к хирургу. Крик Фёдора. Скальпель. Её бессилие стоять в углу и не иметь права вмешаться.

«Может, я не должна была вести его к Савельевой, — думала она. — Может, надо было в платную клинику, в Склиф? Или просто мазать ихтиолкой, и всё бы само прорвалось?»

А потом, ближе к трём часам ночи, в её голове засела другая, более страшная мысль:

«Что, если я занесла инфекцию? Я же сама медсестра. Могла не так руки помыть, грязную салфетку приложить. Что, если я его заразила?»

Она села на диване, обхватив колени. За окном было темно, только фонарь мигал на ветру. И тишина — такая глубокая, что слышно было, как в соседней квартире плачет младенец.

Клавдия заплакала тихо, беззвучно, в подушку, чтобы никто не услышал. Это были первые слёзы из тысяч, которые

ей предстояло пролить за следующие полгода. Она тогда ещё не знала, что этот фурункул, этот нелепый гнойник на локте десятилетнего мальчишки, станет для неё якорем, который она будет тащить до конца жизни. Якорем вины, который не сбросить, даже когда врачи — через много лет — скажут ей, что фурункулы не вызывают лейкозов. Потому что вина не слушает разум. Она живёт в животе, в груди, в глотке, которая сжимается каждый раз, когда видишь ребёнка с температурой.

Она не знала, что самое страшное ещё впереди.

Фёдор спал. Повязка на локте слегка пропиталась сукровицей, но боль ушла — осталась только тупая, ноющая. И во сне он улыбался: ему снилось, что он забил гол в ворота киевского «Динамо», а олимпийский Мишка жмёт ему руку. Правую. Ту самую, забинтованную.

Первые звоночки

Май в тот год выдался ранним и сухим. Уже в первых числах на бульварах распустилась сирень, и Москва на неделю утонула в лиловом дыму. Олимпийские стройки шли полным ходом: на Ленинском проспекте достраивали гостиницу «Спорт», по Садовому кольцу вешали гирлянды флагов, а по радио каждые полчаса передавали «Олимпийский вальс» Пахмутовой. Весна обещала лето, полное света, побед и всеобщего счастья.

Фёдор почти забыл про фурункул. Локоть зажил, остался только розовый рубчик, похожий на маленькую звезду. Мать перестала его обрабатывать, отец перестал спрашивать. Жизнь вернулась в привычную колею: школа, двор, марки, изредка — матчи по телевизору. Но что-то изменилось. Фёдор сам не мог понять, что именно. Просто после Пасхи, которую в тот год отмечали в середине апреля, он стал быстро уставать.

Сначала он списывал на весенний авитаминоз. В классе все жаловались на сонливость, даже отличница Света Ковалёва клевала носом на литературе. Фёдор думал: ну, посидит, перебегает, поможет. Но день шёл за днём, а сил не прибавлялось. На физкультуре он пробежал стометровку за семнадцать секунд — на три хуже обычного. Учитель Мирон Саныч, бывший фронтовик с нашивками за ранения, подо-

зрительно посмотрел на него.

— Лопатин, ты курить начал?

— Никак нет, Мирон Саныч.

— А чего тогда пыхтишь, как паровоз? Ступай, отдышись.

Фёдор отошёл к стенке, сел на скамейку. Сердце колотилось так, будто он только что сдавал нормативы ГТО на золотой значок, хотя сделал всего полкруга. Перед глазами поплыли жёлтые круги. Он опустил голову между колен, как учила мать, когда у него в детстве случался обморок после прививки. Круги рассеялись, но слабость осталась.

«Ничего, — подумал он. — Просто перегрелся».

В мае в классе писали годовые контрольные. Фёдор всегда был твёрдым хорошистом — четвёрки по русскому и математике, тройки по немецкому, пятёрки по физкультуре и пению. Но теперь он с ужасом смотрел на диктант, где буквы плыли перед глазами. Он написал «прекрасный» вместо «прекрасный», пропустил запятые в причастном обороте и дважды перечитал условие задачи, прежде чем понял, что от него хотят. Татьяна Аркадьевна, проверяя работы, подняла бровь:

— Лопатин, ты где был на уроках? У тебя почерк стал как у первоклассника.

— Устал, Татьяна Аркадьевна.

— Устал он, видите ли. В вашем возрасте уставать некогда. Бегом на улицу, на свежий воздух!

Но свежий воздух не помогал. Фёдор выходил во двор,

садился на лавочку у подъезда и смотрел, как другие играют. Вовка Чистяков звал его в футбол, но Фёдор отмахивался — нет настроения. Он даже не брал с собой марки, просто сидел и смотрел на одуванчики, пробивающиеся сквозь трещины в асфальте. Иногда к нему подходил Пашка Клюев, хлопал по плечу: «Ты чего скис?», и Фёдор отвечал: «Не знаю».

Однажды в начале мая Клавдия стирала его футболки и заметила, что они стали слишком свободными. Заглянула в табель успеваемости — оценки съехали, две тройки за четверть. Она хотела было отчитать сына, но посмотрела на него, когда он сидел за столом и вяло ковырял ложкой кашу, и что-то ёкнуло у неё внутри. Щёки у Фёдора были бледные, не по-весеннему бледные, с голубоватыми прожилками у висков. А под глазами — тени, будто он не спал неделю.

— Федя, ты себя хорошо чувствуешь? — спросила она, трогая его лоб.

— Нормально, мам.

— Температуры нет?

— Не знаю. Наверное, нет.

Клавдия приложила губы к его лбу. Губы ощутили сухое, чуть горячее тепло. Не температура, но и не норма. Тридцать семь, может, тридцать семь и два. «Авитаминоз, — убеждала она себя. — Надо давать ему поливитамины, „Ундевит“. И рыбий жир. И побольше гулять».

Она пошла в аптеку, купила баночку жёлтых драже «Ревит» и заставила Фёдора глотать по две штуки после завтра-

ка. Фёдор глотал, не споря, но легче не становилось.

Следующую неделю Клавдия внимательно наблюдала за сыном. Утром он просыпался с трудом, будто его вытаскивали из глубокого колодца. В школе он начал проситься выходить из класса — якобы в туалет, но на самом деле просто стоял у окна в коридоре, отдыхая от необходимости сидеть прямо и слушать. После уроков шёл домой медленным шагом, не забегая во двор. Дома садился за уроки и засыпал над тетрадкой через полчаса.

— Женя, — сказала она мужу вечером, когда Фёдор уже лёг спать. — С Федей что-то не так.

— Опять ты со своей мнительностью, — Евгений Петрович сидел перед телевизором, смотрел «Время», где показывали учения «Запад-79». — Переутомился, конец года. Я в его возрасте тоже еле ноги таскал.

— Он бледный, Женя. У него синяки на ногах.

— А ты не смотрела, как он на велике гоняет? Упал, ударился. У мальчишек всегда синяки.

— Он давно не гоняет. Он вообще из дома не выходит.

Отец вздохнул, выключил телевизор, повернулся к жене. В тусклом свете торшера его лицо казалось усталым, морщинистым.

— Клава, послушай меня. Мальчик растёт, у него гормональная перестройка, весной все дети вялые. Не надо паники. Пусть больше спит, меньше сидит за уроками. Лето на носу, съездим на дачу — как рукой снимет.

— А если нет?

— Если нет — ходим к врачу. Но не сейчас. Дай ему отдохнуть.

Клавдия хотела возразить, но промолчала. Она знала, что в спорах с мужем, когда он говорил спокойным, рассудительным голосом инженера, она всегда проигрывала. Он был логичен. Она — эмоциональна. Весной все дети вялые. Авитаминоз. Гормональная перестройка. Слова как гвозди, которые забивают её тревогу.

Но тревога не умирала.

На следующее утро Клавдия помогала Фёдору надеть брюки и увидела его ноги. От коленей до щиколоток — мелкие, частые синяки. Не большие, как после удара, а крошечные, похожие на красновато-фиолетовые точки, которые не были похожи на обычные гематомы. Она знала медицинское название — петехии. Так выглядят кровоизлияния в кожу при нарушении свёртываемости крови.

— Федя, ты ударялся обо что-то? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не помню, — ответил он равнодушно. — Наверное, на физкультуре.

— На физкультуре ты не занимаешься, ты сидишь на скамейке.

Фёдор пожал плечами. Он действительно не помнил, откуда взялись синяки. Они появлялись сами собой, как грибы после дождя. Но он уже привык не обращать на них внима-

ния — их было много, и они почти не болели.

Клавдия заставила его раздеться до трусов. Осмотрела всё тело: несколько мелких синяков на груди, один на животе, россыпь на ягодицах. Десны — бледные, но не кровоточат. Лимфоузлы на шее — не увеличены. Печень — не прощупывается. Она провела беглое медсестринское обследование и ничего смертельного не нашла. Но грызущий страх не уходил.

В поликлинике, куда она пошла в свой обеденный перерыв, она заглянула к педиатру — молодой врач Светлана Алексеевна, недавно из интернатуры, с косичками и розовыми щеками.

— Свет, посоветуй, — Клавдия присела на край стула. — У сына синяки по всему телу, вялость, субфебрильная температура, гемоглобин в прошлом году был сто двадцать, сейчас, наверное, упал. Не наводит на мысли?

Светлана Алексеевна подняла глаза от карты. Взгляд у неё был внимательный, но ещё не научившийся скрывать испуг при серьёзных подозрениях.

— Анализ крови делали? — спросила она.

— Нет. Он боится иголок.

— Клава, ты медсестра. Ты знаешь, что при такой картине анализ — первое дело. Приходите завтра утром, я выпишу направление. И не тяни.

Клавдия кивнула. Выйдя из кабинета, она прислонилась к стене и закрыла глаза. В голове пронеслось: «Субфебриль-

ная температура, петехии, утомляемость, бледность...» Она перебирала в уме возможные диагнозы. Тромбоцитопеническая пурпура? Гемолитическая анемия? Инфекционный мононуклеоз? И самое страшное, что она боялась произнести даже мысленно, — лейкоз.

«Глупости, — одёрнула она себя. — Лейкоз — это редкость. У нас в районе за десять лет ни одного случая. А у Феди просто авитаминоз и глисты. Надо сдать кал на яйца глист».

Но на следующий день она всё равно повезла Фёдора на анализ крови.

В процедурном кабинете Фёдор сидел на высоком стуле, вытянув палец. Лаборант, молодая девушка с короткой стрижкой, протёрла безымянный палец спиртом, взяла скарификатор. Острый металлический язычок уколол палец. Фёдор даже не дёрнулся.

— Молодец, — сказала лаборант. — Не больно?

— Нормально, — ответил Фёдор. Он смотрел, как капли крови наполняют стеклянный капилляр, и думал, что кровь у него какая-то бледная, водянистая, не ярко-алая, как обычно, а розовая. Как клубничный сироп, разбавленный водой.

Результат обещали через два часа. Клавдия отвела Фёдора домой, сказала, что ей нужно «на работу по срочному делу», и побежала в поликлинику. Светлана Алексеевна читала анализ, и лицо её менялось. Румянец сошёл, оставив бледность. Она перечитала цифры, потом ещё раз, будто надея-

лась, что ошиблась.

— Что там? — спросила Клавдия, хотя уже знала ответ по лицу врача.

— Гемоглобин — 68, — тихо сказала Светлана Алексеевна. — Лейкоциты — 112 тысяч. Тромбоциты — 15 тысяч. Клава... это очень плохо.

Мир раскололся надвое. До этой секунды и после. Клавдия стояла посреди кабинета и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Не в прямом смысле — ноги оставались на месте, но внутри, в груди, в животе, во всём теле разом наступила пустота, как будто кто-то выключил свет в огромном зале.

— Это лейкоз? — спросила она чужим голосом.

— Не знаю. Нужна стерильная пункция. И срочная госпитализация. Клава, я сейчас позвоню в Морозовскую. Ты сама знаешь, туда направляют с подозрением на онкогематологию.

— Звони, — сказала Клавдия и села на стул, потому что ноги больше не держали.

Светлана Алексеевна вышла в регистратуру, звонить по городскому телефону. Клавдия осталась одна. Она смотрела на бланк анализа, лежащий на столе, на цифры, выведенные фиолетовой шариковой ручкой. Гемоглобин 68. Лейкоциты 112 тысяч. В норме — до 9 тысяч. В её голове билась одна мысль: «Фурункул. Это из-за фурункула. Я занесла инфекцию, и она дала осложнение на кровь». Она знала, что лейкоз не лечится антибиотиками, но тогда, в тот момент, логика не

работала. Работала только вина.

Она вышла из поликлиники на улицу. Майское солнце било в глаза, отражалось от стекол троллейбусов, от блестящих бочков с квасом. Мимо шли люди с цветами, с сумками, с детьми. Жизнь продолжалась, как ни в чём не бывало. Только для Клавдии Лопатиной жизнь остановилась. Она дошла до скамейки у подъезда, села и закурила. Она не курила уже три года, но сейчас достала из кармана пачку «Явы», которую нашла на тумбочке мужа, и затянулась. Горько, до кашля, до слёз.

«Как я скажу Жене? — думала она. — Как скажу Феде?»

Фёдор в это время сидел дома, листал альбом с марками. Он ждал мать с результатами анализов, но без особого беспокойства. Он вообще перестал беспокоиться в последнее время — сил не хватало даже на страх. Сидя на диване, он подтянул колени к подбородку и увидел, что на голени появился новый синяк — фиолетовый, размером с пятак. Он надавил на него пальцем — не больно. Провёл ногтем — кожа тут же покраснела, но через секунду вернулась в бледное, почти прозрачное состояние.

— Мама придёт — скажу, — пробормотал он и закрыл альбом.

Но когда мать вернулась, он не сказал. Потому что мать была не одна — с ней пришла Светлана Алексеевна из поликлиники, и за их спинами маячила женщина в белом халате с портфелем «скорой помощи». У «скорой» были красные

полосы на бортах, и водитель не заглушил мотор — он урчал внизу, под окнами.

— Федя, — сказала Клавдия, опускаясь перед ним на корточки. — Мы поедем в больницу. Хорошую, детскую. Там тебе помогут.

— Зачем? — спросил Фёдор, хотя в его голосе не было испуга, только усталое любопытство.

— Нужно обследоваться. Просто обследоваться.

Фёдор посмотрел на неё, потом на врача, потом на женщину с портфелем. Он вдруг понял, что мать врёт. Не потому, что хотела обмануть, а потому, что боялась правды. И эта ложь была страшнее любой правды.

— Мам, у меня что-то серьёзное? — спросил он.

Клавдия не ответила. Она обняла его, прижала к себе, и вся её уставшая, напряжённая, полная запретных мыслей фигура задрожала в беззвучных рыданиях. Фёдор лежал у неё на груди и чувствовал, как колотится её сердце — часто, как у испуганной птицы. Он вспомнил, как в детстве они читали с ней сказку про мальчика, которого унесла Снежная Королева, и мать сказала тогда: «Если с тобой что-то случится, моё сердце разобьётся». Сейчас ему казалось, что это сердце бьётся о рёбра в последний раз.

— Поехали, — сказал он и встал с дивана. — Я готов.

Он взял с собой портфель, хотя врач сказала, что в больнице всё дадут. Из портфеля торчал угол альбома с марками. Фёдор сунул его поглубже, застегнул пряжку и посмотрел на

отца. Евгений Петрович стоял в дверях, бледный, с серым лицом, и молчал. Он ничего не сказал — ни «не волнуйся», ни «всё будет хорошо». Только кивнул, как кивают на похоронах, когда не могут подобрать слов.

Скорая везла Фёдора по Садовому кольцу. Сирена молчала — не экстренный случай. Фёдор сидел на откидном сиденье, рядом мать, напротив фельдшер с картой в руках. За окном проплывали знакомые дома, магазины, кинотеатр «Ударник» с афишей фильма «Осенний марафон». Мимо проехали площадь Гагарина, памятник первому космонавту, взлетающему в бронзовом рывке. Фёдор подумал: «Я тоже хотел быть космонавтом. Теперь, наверное, не получится». Но эта мысль пронеслась и ушла, не задев, как пуля, которая уже потратила всю свою силу.

Клавдия смотрела в окно и не видела ничего, кроме отражения сына в стекле. Она перебирала в уме последние недели: вот Фёдор сидит на лавочке, вот он не доел суп, вот он говорит «не хочу играть», вот синяки, вот анализ, вот слово, которое она не может произнести даже про себя.

«Лейкоз. У моего сына лейкоз».

Она не знала, что через час в приёмном покое Морозовской детской больницы профессор Кисляк назовёт этот диагноз вслух. Что мир рухнет окончательно. Что следующие полгода станут адом, которого она не пожелает даже врагу. Что вина за фурункул вьётся в её душу, как ржавчина, и не выведется никогда — даже когда врачи скажут, что фурун-

кул был не при чём.

Скорая свернула на 4-ю Добрынинскую улицу. Впереди показались белые корпуса Морозовской больницы — старые, с высокими окнами, облицованные кафелем, похожим на больничный. Фёдор посмотрел на них и подумал: «Красивые». Это была последняя детская мысль в его жизни, которая ещё не знала, что такое игла в позвоночник, кровь из носа, которую не остановить, и мамины глаза, красные от бессонницы.

Они заехали в ворота. Начиналось лето 1979 года — самое долгое лето в истории одной маленькой семьи с Садового кольца.

Страшное слово

Приёмный покой Морозовской детской больницы пах хлоркой и страхом. Этот запах невозможно спутать ни с каким другим — он въедается в стены, в халаты, в кожу, в память. Фёдор, переступив порог, на секунду зажмурился. Ему показалось, что воздух здесь гуще, чем на улице, тяжелее, словно вместо кислорода здесь что-то серое, липкое, забивающее лёгкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.